

Используемая песня: Never Let Go Брайана Адамса.

В аниме выставка была несколько скучной. Эпизод-филлер, по сути, был предлогом для продюсеров аниме, чтобы показать множество фамилляров и представить Генриетту в более прямой обстановке.

Тем не менее, на самом деле быть там и увидеть это из первых рук было довольно приятно. У Дэвида вновь появилось уважение к паре более второстепенных персонажей, которым несколько не хватало ролей.

Все началось с нескольких персонажей, чьи имена и знакомых он едва помнил, включая странного глаза, встречи с которым он пропустил, так как изменил этот невероятно незначительный сюжетный момент.

После нескольких, по общему признанию, тусклых выступлений появилась Кирхе, гордо шедшая по сцене с Флеймом рядом с ней.

Не говоря ничего, кроме своего имени и имени своего фамилляра, она направила свою палочку над головами наблюдающих за ней людей, и Пламя направило свою голову в том же направлении, и вместе они создали впечатляющий огненный вихрь.

Дэвид ухмыльнулся, глядя на вид, который был просто потрясающим. Огненный торнадо. Интересно, есть ли у них в природе такие же, как на Земле?

Ее эго было успешно раздуто аплодисментами, она поклонилась и ушла со сцены. Следующей вышла Монморанси, ее фамилляр, лягушка Робин, исполнявшая странный танец, прежде чем они тихо ушли, аплодисменты были заметно меньше, чем у Кирхе.

Выступление Гиша, если его вообще можно было так назвать, полностью состояло из того, что он стоял совершенно неподвижно, позируя с Верданди на том, что казалось клумбой из роз. Хотя это, по общему признанию, было странно эстетически приятным, оно, очевидно, не впечатляло, так как ему вообще никто не аплодировал.

Как обычно, его ответ был чересчур драматичным взмахом челки и розовой палочкой, добытой из кармана. «Ах, душераздирающе ваше молчание, но я понимаю, ибо где должен быть победитель, там должно быть и последнее место!» Это было встречено большим количеством аплодисментов, чем выступление Монморанси.

Выступление Табиты и Сильфиды было всем, чего не было у Гиша. У Дэвида даже не было возможности подумать о какой-либо шутке по этому поводу, когда он наблюдал, как дракон кружит в воздухе, как стрекоза, прежде чем прикончить его пикирующей бомбой на землю, что закончилось впечатляющим разворотом и идеальным прыжком. приземление обратно на сцену.

Когда Табита слезла с ее спины, она ничуть не запыхалась, несмотря на скорость и маневры Сильфиды, и Дэвиду пришлось присоединиться к ее громким аплодисментам, к неудовольствию Луизы, хотя даже она должна была признать, что Табита сделал хорошо. Даже пара охранников Генриетты присоединилась к ним, судя по тому, что Дэвид оглянулся назад, хотя руки Агнес остались на рукоятках кремневых пистолетов.

Лояльна до порока, но в конце концов это был ее характер.

И вот пришла его очередь. Он встал вместе с Вошьем, пробираясь между сиденьями, чтобы добраться до лестницы вверх по сцене.

Пока они стояли там, Дэвид держал в одной руке свой закрытый футляр для гитары, что, как он позже утверждал, было просто для того, чтобы его выступление казалось более загадочным для людей, которые не знали его таланта. Заявление Луизы сделало очевидным, как она нервничала, а ярко-красный румянец на ее лице сделал это еще более очевидным.

«Я Луиза де ла Вальер, а это мой фамилляр Дэвид!» — практически закричала она, плотно зажмурив глаза. — Он... крестьянин...

Она, казалось, сжалась от смеха студентов, но заметно успокоилась, когда Дэвид взял ее за плечо свободной рукой.

Она взглянула на него и, увидев теплое выражение его лица, расслабилась, уступила ему сцену, встала на краю, пока он ставил футляр для гитары на пол.

«Ну, как она сказала, я Дэвид». — сказал он, и студенты продолжали смеяться. Он озорно ухмыльнулся. Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда я вышибу всех здесь из воды.

Он наклонился, двигаясь как можно медленнее, старательно открывая каждую из двух застежек и поднимая крышку, вытаскивая гитару и обматывая ремешок, прикрепленный сбоку от гитары, вокруг своей спины, как он делал с Дерфом. Он редко пользовался этим ремнем, но у него не было ни табурета, ни чего-либо еще, и он не мог сидеть на сцене, так что это было необходимо.

«Ну, я буду играть песню для своего номера». — сказал он, хотя болтовня на самом деле не прекращалась, чтобы слушать. «Что-то из моего мира. Все заслуги Брайана Адамса».

С первым ударом струны разговоры в толпе вдруг стихли, и все до единого ученики восторженно смотрели на него, когда он начинал играть.

«Можете ли вы положить свою жизнь, чтобы мог жить чужой? Можете ли вы взять то, что вам нужно, и взять меньше, чем вы даете?» — пел он, сжимая горло, чтобы как можно лучше скопировать хриплый акцент Брайана Адамса.

«Можете ли вы закрываться каждый день без славы и славы? Можете ли вы высоко держать голову, когда никто не знает вашего имени?»

Взгляд с этим на Гиша, и светловолосый плейбой моргнул от этого движения, хотя он был слишком поглощен музыкой, чтобы что-то сказать.

«Вот так слагаются легенды. По крайней мере, так говорят».

Он был искренне удивлен. Конечно, это был совершенно другой стиль музыки, чем кто-либо из них когда-либо слышал, но все, даже обычно безразличная Агнес, теперь были по стойке смирно. Он ожидал, что по крайней мере немногие не заинтересуются.

«Мы прощаемся, но никогда не отпускаем. Мы живем, мы умираем, потому что мы не можем спасти каждую душу».

Выражение лица Луизы также было потрясенным. Она привыкла к его игре, но он не вкладывал столько усилий в Ogasion или другие песни, которые она слышала от него. Кроме того, этот был разговорным, а также инструментальным.

«Вы должны использовать любой шанс, чтобы показать, что вы из тех людей, которые никогда не оглядываются назад, никогда не смотрят вниз и никогда не отпускают».

Может быть, он просто хвастался. Это был первый раз, когда его слушало так много людей, и он пообещал ей, что поразит их.

«Можете ли вы проиграть все, что когда-либо планировали? Можете ли вы снова сесть и сыграть еще одну руку?»

Если бы Дерф не остался в комнате, он, несомненно, рассмеялся бы и сказал, что Гэндальв всегда держит свои обещания.

«Можете ли вы рискнуть всем ради шанса побыть в одиночестве? Под давлением обрести благодать, или вы бы сдались?»

Какими бы ни были его мотивы, сила его песни давила на всех, толпа молчала и смотрела прямо на него, или же закрытые глаза и молча наклонялись на своих местах в такт его музыке. Генриетта была одной из тех людей, которые почти не обращали внимания на охранников, окружавших ее, позволяя музыке захлестнуть ее.

«Вот так слагаются легенды. По крайней мере, так говорят».

Дэвид наслаждался собой. Он был полностью погружен в музыку, в свой маленький мир, каким

он всегда был, когда играл. Он выбрал эту песню специально для конкурса, одну из лучших, которые он мог исполнить. Гитара была очень похожа на его, и ему было довольно легко манипулировать своим голосом, чтобы он соответствовал ей. Несомненно, было бы сюрпризом, насколько по-другому он теперь звучал, но ему было все равно. Все, что его заботило, это стальные струны под пальцами и звуки, исходящие из его горла.

«Мы прощаемся, но никогда не отпускаем. Мы живем, мы умираем, потому что мы не можем спасти каждую душу».

Если он еще не был хорошо известен как фамильяр Луизы Нулевой, то сейчас он, без сомнения, укоренился в умах студентов и сотрудников.

«Вы должны использовать любой шанс, чтобы показать, что вы из тех людей, которые никогда не оглядываются назад, никогда не смотрят вниз и никогда не отпускают».

Хорошо. Пусть его имя, его лицо, его голос, инструмент, оживляющий эти ноты в его руках, пусть все они будут известны. Пусть их знают все. Пусть знают, что фамильяр Луизы был его собственным человеком.

Когда он пел более повторяющуюся последнюю половину песни, он внимательно вглядывался в толпу, наблюдая за их реакцией.

Как и ожидалось, Генриетта была одной из наиболее легко поддающихся влиянию, раскачиваясь в такт нотам. Сидевшая рядом с ней Агнес, очевидно, пыталась удержаться от того же, хотя ее руки и опустились от рукояток пистолетов.

Когда он, наконец, закончил свою песню, он улыбнулся, спев несколько последних слов, прежде чем, наконец, взять последнюю ноту и остановиться, его руки зависли над струнами, когда он произнес последнее слово.

Аплодисменты последовали немедленно. Даже Агнес пару раз сложила руки вместе, к большому удивлению охранников рядом с ней, и одобрительно кивнула. Тем временем рядом с ней Генриетта встала, чтобы поаплодировать, как и многие студенты.

Дэвид усмехнулся в ответ, сняв ремень с плеча и держа гитару за шею, глядя на Луизу, у которой было гордое выражение лица.

Сообщение, которое дал ей его взгляд, было очевидным. Сказал тебе, что я сдул бы их.